

КАК ЭТО БЫЛО ДО РУБИНШТЕЙНА, 13: НИЗОВЫЕ ПРАКТИКИ САМООРГАНИЗАЦИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ РОК-МУЗЫКАНТОВ В 1970-Е ГГ.

САМОЙЛОВА АНАСТАСИЯ
МИХАЙЛОВНА

Европейский университет в Санкт-
Петербурге

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-163-175

© Самойлова А. Н.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена предыстории Ленинградского рок-клуба. Особое внимание уделяется попыткам создать музыкальный клуб, исходившим от активистов из андеграундной среды – братьев Г. Б. и В. Б. Зайцевых. Автор приходит к выводу, что рок-музыканты не были организованы в клуб решением «сверху», а двигались в сторону легализации сами на протяжении 1970-х гг. Рок-музыку в СССР традиционно рассматривают как взятую «под колпак», однако подготовка к созданию Ленинградского рок-клуба – это сюжет, рассказывающий, как инициатива «снизу» была поддержана и инкорпорирована в советский ландшафт, не потеряв своей первоначальной идеи, которая отнюдь не была столь внесоветской, как принято считать в историографии.

Ключевые слова: самоорганизация, рок-музыка, Ленинградский рок-клуб, поздний социализм, музыкальный андеграунд, Ленинградский межсоюзный дом народного творчества.

BEFORE RUBINSTEIN STREET, 13: SELF-ORGANIZATION OF ROCK MUSICIANS “FROM BELOW” IN THE 1970S

Anastasia M. Samoylova
European University at St. Petersburg

Abstract.

The article is devoted to the prehistory of the Leningrad rock club. Particular attention is paid to the attempts to create a music club coming from the underground environment's activists – brothers G.B. and V.B. Zaitsevs. The author comes to the conclusion that rock musicians were not organized into a club by someone "from above" but were forming a legal club themselves during the 1970s. Rock music in the USSR was traditionally kept under surveillance but the preparation for the Leningrad rock club's creation is a story telling how the initiative "from below" was supported and incorporated into the Soviet landscape without losing its original idea which was not particularly "out-Soviet" as is usually believed in historiography.

Key words: self-organization, rock music, Leningrad rock club, late socialism, musical underground, LMDST.

7 марта 1981 г. на сцене Ленинградского межсоюзного Дома самодеятельного творчества (далее – ЛМДСТ) по адресу ул. Рубинштейна, 13 прошел концерт нескольких местных рок-групп. С этого момента принято отсчитывать историю Ленинградского клуба любителей

музыки, впоследствии Ленинградского рок-клуба (далее – ЛРК). Однако это событие значимо не только для поклонников отечественной музыки, но и для исследователей.

Ученые уже обращались к этому сюжету, размышляя об обществе и власти в период позднего социализма. Однако обычно об открытии рок-клуба рассуждают в категориях инициативы «сверху»: советская власть собрала в одном месте – в условной резервации, «под колпаком» – непричесанную и играющую рок-музыку молодежь, что представляется отголоском тоталитарной традиции изучения советского опыта. В данном случае власть всегда сильна и находится на шаг впереди, а общество – пассивно. В сущности, в подобных трактовках читатель лишен возможности узнать не только общественную динамику, но и то, как принималось решение о создании «резервации».

Чтобы эта идея была обоснована, я покажу, как смотрели на возникновение рок-клуба в самом центре Ленинграда исследователи-предшественники. И. Стейнхолт – автор первого специального исследования, посвященного феномену ЛРК [Steinholt, 2005], – высказал идею о том, что «потенциальный интерес (к созданию клуба. – А. С.) в городской администрации существовал с момента организации ЛМДСТ¹ по инициативе первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романова. <...> Поскольку международный скандал вокруг процесса над Бродским был свеж в памяти, он выбрал более прагматичный способ борьбы с неофициальной или самодеятельной культурой. Вместо того чтобы противостоять и преследовать официально не одобряемых писателей, поэтов, художников и музыкантов, он был готов предложить им “культурные резервации”» [Steinholt, 2005, p. 36].

Эта точка зрения не основывается на источниках, как и многие другие размышления о том, как советская власть управляла неофициальной культурой, а скорее, выражает представления современников об этом процессе. Подобным же образом рассуждает о рок-клубе и А. Юрчак. Он пишет о нем как об «ассоциации “любительских” рок-групп под официальной эгидой комсомола и негласным патронажем и надзором КГБ» [Юрчак, 2017, с. 377], хотя ВЛКСМ не имел никакого организующего воздействия на клуб, а о Комитете государственной безопасности пока нельзя сказать ничего конкретного ввиду закрытости их

¹ Дом творчества в Ленинграде был открыт еще в 1938 г., а называться ЛМДСТ стал в 1970-е гг. Возможно, исследователь имел в виду новое наименование организации – ЛМДСТ, которое стало актуально для периода с 1970 по 1983 г., когда должность первого секретаря Ленинградского ОК КПСС занимал Г.В. Романов, а не само создание ЛМДСТ.

ведомственного архива и «неразговорчивости» сотрудников². В свою очередь, сфера самодетельности в СССР была в ведении профсоюзов, поэтому именно в стенах ЛМДСТ, одного из пяти межсоюзных культурных объединений³, был открыт Ленинградский клуб любителей музыки.

Несмотря на отсутствие источников, ученые допускают утверждения следующего характера: «Подобные социальные среды (например, рок-клуб. – А. С.) могли относительно свободно существовать и развиваться, в том числе и из-за того, что государство (в лице партийных и комсомольских органов или КГБ) относилось к ним как к своего рода линзам, сквозь которые, как казалось представителям государства, можно было наблюдать не просто за отдельными личностями, но и за проявлением новых интересов и настроений советской молодежи в целом. Это парадоксальная ситуация, когда желание понять и контролировать способствует бурному и незапланированному росту явления» [Юрчак, 2017, с. 379]. Однако представляется, что эта гипотеза еще требует обоснования.

Кроме того, в историографии звучала мысль о том, что рок-музыканты буквально вынуждены были объединиться: «Советские субкультуры отличались от английских сообществ тем, что должны были со временем подвергнуться некоторой степени институционализации, чтобы перестать привлекать к себе подозрительное внимание репрессивных органов государства (здесь и далее курсив мой – А. С.). Обычно это делалось через регистрацию местного “клуба по интересам”» [Хархордин, 2016, с. 416].

Во всех приведенных выше цитатах заметно, что исследователи, прежде всего, обращают внимание на власть, тогда как общество в лице, в частности, неформальной молодежи, схематично представляется как объект воздействия этой власти. Вся история об участии/неучастии властных структур подсвечивает и другую сторону легализации рок-музыки – самоорганизацию, о которой не размышляют в пространстве изучения позднесоветского опыта. Я предлагаю взглянуть не на то, как рок-музыка в Ленинграде была «взята под колпак» или была вынуждена институционализироваться, а на то, как её направляли в сторону легализации сами представители музыкального андеграунда.

² В качестве исключения см.: Бройдо А. «Святой» апостол Олег». Интервью с О.Д. Калугиным // Аргументы и факты. 17 апреля 2003. № 08(20). С. 18–19. URL: archive.aif.ru/archive/1678871 (дата обращения: 15.07.2023); «Рок-клуб – это нормальный проект органов госбезопасности, в котором были отделены зерна от плевел». Интервью с П.К. Кошелевым // Фонтанка. 7 марта 2021 г. URL: fontanka.ru/2021/03/07/69798926/ (дата обращения: 15.05.2022).

³ Межсоюзные Дворцы культуры им. Ленсовета, им. Горького, им. Кирова и Выборгский межсоюзный дворец культуры.

Уже в 1971 г. была предпринята попытка самоорганизации поклонников рок-музыки. Она была связана с битломаном Н. Васиным и т.н. Поп-федерацией, однако о том, как она была организована и как функционировала, сохранились лишь немногочисленные сведения. Известно, что у нее был устав, что члены Поп-федерации сдавали деньги «на общие нужды» и что затея была связана с неким Арсентьевым, аферистом с комсомольским значком на пиджаке, которого впоследствии судили⁴.

Намного больше известно о попытках братьев Г.Б. и В.Б. Зайцевых. Они любили западную музыку, знали многих ленинградских рок-музыкантов, даже делали для них гитары и пытались реализовать идею музыкального клуба в Ленинграде. Братья Зайцевы предприняли несколько попыток его создания. Показательны сами названия: например, «временно неофициальный комсомольско-молодежный клуб любителей музыки»⁵, впоследствии – Ленинградский клуб любителей музыки (Поп-клуб), существовавший с 1974 г. на квартирах.

Деятельность клуба выглядела следующим образом: «Мы приглашали к себе музыкантов, брали у них интервью, истории создания групп, просили приносить тексты, фотографии с концертов. Музыканты притаскивали своих фанов <...>. Подготавливали и выпускали небольшие информационные листки. Старались делать это после каждого концерта. Иногда с текстами, если они у нас были, или можно было перевести с записи. Сопровождали информацию краткими рецензиями на выступления»⁶. Уже в это время, как пишет Г.Б. Зайцев, проходили т.н. собрания совета клуба: «Мы что-нибудь обсуждали, обменивались переводной литературой, устной информацией, кто-то брался распечатать какие-нибудь статьи, достать тот или иной диск, запись. Пользовались и единственно свободно продававшимися зарубежными музыкальными журналами, такими как “Мелодия” (Польша), “Спиваем и танчиним” (Чехословакия) <...> После того как новая интересная информация набиралась, по субботам <...> с ней могли ознакомиться остальные»⁷. Впоследствии такие встречи именовались собраниями членов клуба. По описанию заметно, что все происходило достаточно неформально, но как ретроспективно, так и на уровне создаваемой в 1970–е гг. документации инициаторы транслируют идею организованности. Так, «посиделки» на квартире, для которых, как видно из неофициального характера этих встреч, не требовалось ничего формального, назывались собранием Совета клуба.

⁴ См.: Рекшан В.О. Самый кайф. СПб., 2008. С. 46–67.

⁵ Зайцев Г.Б. Тяжелые одуванчики или хроника прошедших событий. СПб., 2019. С. 172.

⁶ Там же. С. 187.

⁷ Там же. С. 193.

Однако идея братьев Зайцевых с самого начала была тесно связана с легализацией этой музыкальной затеи и, согласно их логике, с документированием. Так, первый проект устава клуба был составлен в канун 1974 г. «Взяли за строительную основу устав ВЛКСМ»⁸, – объяснял Г. Б. Зайцев. Несмотря на обличительную риторику по отношению к Советскому государству, присущую воспоминаниям, их автор не рефлексировал над тем, что для устава, который мог выглядеть, как сами братья захотели бы, ими был выбран текст официального советского документа.

Г. Б. Зайцев так объяснял генеалогию устава будущего музыкального клуба: «других уставов (кроме ВЛКСМ. – А. С.) мы и не знали никаких. Вот, поэтому мы взяли первый попавшийся, известный, чтобы понять, как уставы вообще создаются. <...> только это оттуда и было взято – структура построения устава, из чего состоит, какие вопросы в него входят. Вот это, а остальное все – из головы, конечно»⁹. В. Б. Зайцев рассказал о том, что, будучи комсомольцами, они хорошо знали устав ВЛКСМ: «Я из комсомола там уже вышел <...>. Как раз думаю, надо хоть что-то с комсомола поиметь – сделаем по уставу комсомола, напишем устав клуба, но выкинули все, что лишнее, остальное <...> бюрократическое такое, основу взяли, только вот вписали, что цели и задачи – музыка и все такое»¹⁰. Целью клуба провозглашалось «изучение мирового музыкального творчества и содействие непрофессиональным музыкальным коллективам Ленинграда»¹¹. Иными словами, комсомольская форма использовалась инициаторами клуба для того, чтобы поместить в нее несколько иное содержание. Это не было ритуалом, не имевшим смысла, поскольку посредством формы устава Зайцевым удалось «протащить» свою прагматику обустройства молодежного музыкального клуба.

Даже на прямой вопрос о том, требовалось ли в Советском государстве написать устав для создания нового объединения, Г. Б. Зайцев отвечал отрицательно и объяснял, что это была именно «наша с братом придумка. <...> А нам самим это было интересно. <...> по-человечески, чтобы все было по-настоящему, чтоб устав был свой, заявления чтобы все писали»¹². Об этом же говорил и его брат В. Б. Зайцев: «Ну если [есть] клуб, должен быть устав! Там ведь члены, членские взносы могут быть в виде пластинок, в виде грамзаписей этих на бобинах. Каждый что-то должен приносить, и так приносили, но так <...> журнал вести,

⁸ Зайцев Г. Б. Свинцовые паруса. СПб., 2021. С. 172.

⁹ Интервью с Геннадием Борисовичем Зайцевым. 25.09.2021.

¹⁰ Интервью с Владимиром Борисовичем Зайцевым 17.03.2022.

¹¹ Проект. Устав Клуба Любителей Музыки. Декабрь 1974 г. // Зайцев Г.Б. Свинцовые паруса... С. 174.

¹² Интервью с Г. Б. Зайцевым.

кто кому какую пластинку дал и до какого срока должен отдать, проследить. То есть уже организация пошла процесса, не просто спонтанно. Если уж клуб, то и организация»¹³.

Ю. Фюрст, проблематизируя историю советских хиппи [Fürst, 2021], писала, что, впитав западную идеологию хиппи, молодые люди в СССР социализировались именно в советском обществе. То есть впоследствии они использовали советские формы для распространения своих идей: в частности, опыт пионерских лагерей порождал новые хиппи-лагеря на знакомых основаниях, а ношение знаков отличия как средства коммуникации сближало «пацифики» и советские значки.

Кроме устава брата Зайцевы придумали и такой элемент для вхождения в клуб, как заявления/ анкеты, а также печати и значки. Мне представляется, это свидетельствует о том, что при изучении позднесоветской молодежной культуры стоит размышлять не только о советскости хиппи. Напротив, советская социализация не должна выпадать из поля зрения исследователя, поскольку она являлась аксиоматической конструкцией, которая могла стать фундаментом для дальнейшей потенциальной «внеаходимости».

В случае с организацией рок-клуба советская форма была выбрана из-за того, что она была хорошо известна братьям Зайцевым. Они не выпадали из «зоны видимости» [Юрчак, 2017, с. 266] советской власти, как сообщества «внеаходимости» у А. Юрчака, а, напротив, вступали в эту зону. Невидимые и рассредоточенные до 1981 г., рок-музыканты Ленинграда объединились в рамках ЛРК и стали гораздо более заметными для контролирующих органов.

«И все же нашей целью было не сидеть в подполье, а пробить город, получить официальный статус. Получить свое помещение, зал для репетиций и концертов, получить аппаратуру, добиться разрешения играть свою музыку, <...> показов на ТВ, выступлений по радио»¹⁴, – так глобально размышлял Г. Б. Зайцев, объясняя необходимость легализации музыкального клуба.

Летом 1976 г. такая попытка была предпринята. Для этого выбрали Ленинградский государственный университет, однако, как пишет Г.Б. Зайцев, получили отказ в устной форме от местного комсомольского функционера¹⁵. Даже спустя сорок с лишним лет инициаторам

¹³ Интервью с В. Б. Зайцевым.

¹⁴ Зайцев Г. Б. Бумажные бомбардировщики. С. 193.

¹⁵ Там же. С. 21–24.

важно в воспоминаниях о том времени подчеркнуть, что проект нового клуба писали, «стараясь соответствовать комсомольским догматам»¹⁶.

Несмотря на неудачу, интересна аргументация создания музыкального клуба при Ленинградском университете. В. Б. Зайцев в обращении к администрации ЛГУ в 1976 г. указывал на недостатки в сфере молодежной музыки в СССР. Советские ансамбли, не имея возможности выступать на большой сцене, были вынуждены играть «по договорам с ВУЗами, а также давать концерты и “сейшены” в залах различных НИИ, некоторых кафе и Домах культуры, которые обычно находятся подальше от центра города»¹⁷. Поскольку администрация учреждений, в которых проходили концерты, не получала никаких выговоров, это означало, что «ничего не соответствующего нашей идеологии и морали у этих ансамблей нет!»¹⁸. Обращает на себя внимание апелляция к тому, что если представители власти не рассматривали творчество групп как недостаточно советское или даже антисоветское, то считалось, что рок-группы не несут никакой угрозы. Иначе говоря, в «письме во власть» было важно продемонстрировать не то, что именно делали музыканты, а то, насколько «безобидным» это представлялось местным начальникам.

Кроме того, В.Б. Зайцев подчеркивал, что любители рок-музыки – «союзная молодежь», учащиеся вузов и работники НИИ, что автоматически означало их сознательность. Однако бывали и трудности, в частности в восприятии музыкального материала, для чего было необходимо развивать вкус молодых людей. Предлагалось перестать выпускать исключительно «разгромные» статьи и проводить обличающие Запад лекции, к которым у молодежи выработался иммунитет. В качестве еще одной проблемы указывалась спекуляция пластинками, вызванная тем, что в свободном доступе интересующую молодёжь музыку было «не достать».

Для решения этих проблем братья Зайцевы и предлагали создать музыкальный клуб, поскольку существующие клубы развивались «стихийно, без четкой организации и единого руководства»¹⁹. Иными словами, они предлагали делегировать себе как создателям клуба полномочия для решения проблем в области ленинградской молодежной музыки, избавив власть от этой «головной боли». Власть в данном контексте была представлена администрацией Ленинградского университета,

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Зайцев Г. Б. Бумажные бомбардировщики. С. 193.

поскольку именно она могла сталкиваться с «рок-самодельностью» в формате любительских студенческих ВИА.

Следующая попытка легализации была связана с Домом культуры «Невский» и относилась к 1977 г.²⁰ «Долго и упорно разрабатывали, но, наконец, сочинили устав рок-клуба, который был похож на устав НКВД (что произошло в результате излишнего стрема, по принципу “лучше перебздеть, чем недобздеть”) и насчитывал несколько страниц, написанных мельчайшим почерком»²¹. Но и в этот раз идея клуба не была реализована. Кроме того, братья не добились желаемого и в 1979 г. (ДК им. Ленина²²), и в мае 1979 г.²³, когда «стучались в двери» других ДК.

Только в ноябре 1979 г. успехом увенчалась попытка концертных «менеджеров» (устроителей подпольных «сейшенов»²⁴) создать площадку для легального исполнения музыки – Городской экспериментальный клуб любителей современной молодежной музыки на проспекте Энергетиков. Она не была связана с деятельностью братьев Зайцевых. Будущий президент ЛРК Н. Михайлов, участвовавший в этой затее, рассказывал о ней: «Был проведен большой фестиваль в зале на триста мест в подростковом клубе, чудовищный по своей организационной сущности, потому что аппаратуры у нас не было, а длился он восемь часов. Но были приглашены многие официальные представители властей, начиная от Комитета по культуре, профсоюзов, партийных организаций, представителей комсомольских организаций крупнейших предприятий города, в частности Кировского завода. Секретарь этой организации впоследствии написал очень характерный для того времени отзыв: “Очень мне понравилось это мероприятие, но я бы советовал вокалисту²⁵ группы “Россияне” подстричься!”»²⁶. Однако как организаторам удалось договориться с площадкой подросткового клуба, кто отправлял приглашения в государственные и общественные организации, велась ли какая-либо документация, какие еще мероприятия проходили, пока не до конца известно. Уже весной 1980 г. клуб был закрыт, что современники событий связывали с громким выступлением групп-участников клуба на фестивале «Весенние ритмы. Тбилиси–80» [Steinholt, 2005, p. 35–36].

²⁰ Там же. С. 263.

²¹ Там же. С. 264.

²² Зайцев Г. Б. Бумажные бомбардировщики. С. 172.

²³ Там же. С. 205.

²⁴ «Сэйш(е)н (нач. 70-х) – музыкальный концерт, сборище, вечеринка» (Рожанский Ф.И. Сленг хиппи. СПб., 1992. URL: lingvotech.com/rozhansky-92 (дата обращения: 22.05.2022).

²⁵ Имеется в виду Г. Ордановский.

²⁶ Резунков В. Рок, КГБ, Комсомол. Воспоминания президента Ленинградского рок-клуба Николая Михайлова // Радио Свобода. 15 апреля 2016 г. URL: svoboda.org/amp/27675500.html (дата обращения: 07.07.2023).

В том же 1979 г. было составлено новое «письмо во власть» – самому Г. В. Романову, первому секретарю Ленинградского областного комитета КПСС. В интерпретации автора письма Г. Б. Зайцева, которое он сам впоследствии назвал петицией, новая попытка коммуникации с властью была предпринята потому, что подпольные концерты все чаще разгонялись, а добиться легализации клуба на конкретных площадках разных ДК так и не удалось. Встреченная без энтузиазма со стороны многих музыкантов идея написать в Смольный была реализована не самым прозрачным способом. Мемуарист так объяснял механику отправки письма-петиции: «Обращение было передано лично в руки Романову через доверенное лицо, вхожее в Смольный и бывшее “скрытым диссидентом”. <...> Нужный человек, оставшийся для всех инкогнито, не сразу передал письмо, объясняя необходимостью дожидаться нужного момента, подходящей ситуации и в Смольном, и в настроении самого Романова»²⁷.

Даже если размышлять о «петиции» как о фальсификации, факт рассказа об этом эпизоде представляется показательным. Г. Б. Зайцев в книгах, посвященных, в сущности, свободе в несвободной стране, не просто рассказал о попытках достучаться до власти, но и о том, что именно первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов представлялся ему человеком, готовым принять решение о создании клуба. В интервью он объяснял мотивацию и прагматику этого письма так: «Легализация рок-движения, легализация и создание рок-клуба. А дело в том, что “больше не к кому обращаться, они же рулили”»²⁸. Контакт с партийной властью в лице Г. В. Романова представлялся Г. Б. Зайцеву «лучом света в тёмном царстве» после неудачных попыток организации клуба при ЛГУ и различных ленинградских ДК.

В тексте письма-петиции, под которым, по словам Г. Б. Зайцева, подписалось 7 человек, обращают на себя внимание аргументативные стратегии автора. Уже в его зачине есть апелляция к авторитетному дискурсу. Последний представлен в письме мнением самого Г. В. Романова на майском пленуме Ленинградского обкома КПСС в 1979 г. Интересно, что синонимом «рок-групп» в тексте являлось наименование «рок-ансамбли», что на языковом уровне объединяет «послов» рок-музыки и представителей власти, которые использовали именно такую терминологию.

Итак, кроме попыток упорядочить деятельность Поп-клуба в виде устава и некоторых налагаемых на музыкантов «обязательств», братья

²⁷ Зайцев Г.Б. Безвозвратные бумеранги... С. 334.

²⁸ Интервью с Г.Б. Зайцевым.

Зайцевы действительно стучались во властные двери, чтобы воплотить свою затею. При взаимодействии с представителями государства (будь то администрация ЛГУ или Смольный, куда они писали позже) использовался не просто формат прошения, но и применялась риторическая стратегия, демонстрировавшая озабоченность и критическое отношение к состоянию дел в советской молодежной культуре. Обращая внимание на недостатки и просчеты, братья Зайцевы брали на себя ответственность за изменение ситуации – путем создания музыкального клуба в Ленинграде. Они не просто говорили с властью на ее языке, но еще и предлагали ей легализовать самоорганизацию музыкантов. Имея очевидную заинтересованность в этом для неофициального музыкального сообщества, Зайцевы также делали акцент на том, что власть «получала взамен» – более сознательную молодежь, которая проводила бы свой досуг правильно.

Таким образом, умея говорить на «советском языке» [Воронина Т., Соколова А. Д., НЛО, 2020] даже вне рамок партийного собрания, «послы» неофициальной музыкальной культуры Ленинграда братья Зайцевы пытались объяснить представителям государства, почему создание музыкального клуба актуально для города трех революций. Используя легальные каналы связи с властью, они старались убедить ее, что самоорганизация музыкантов выгодна самой местной власти.

Кроме деятельности по организации музыкального клуба из андеграундной среды важно затронуть и мотивацию представителей местной власти. С одной стороны, Т. П. Ванчакова, куратор ЛМДСТ от Ленинградского областного совета профессиональных союзов, которому и подчинялся Дом творчества, рассказала широко известную историю о принятии партией решения о создании клуба, транслируя дискурс всеведущей, монолитной власти, которая стремилась всеми управлять: «Поскольку в те годы было тоталитарное государство... естественно, за этим за всем наблюдали. Наблюдали-наблюдали, контролировали, потом, когда это уже развилось в движение такое большое, коллективов уже было много. Движение было протестное, идеологическое, вредное, в те годы это считалось, то тогда они решили, <...> если мы не можем этим управлять, то что мы должны сделать? Возглавить, правильно? Именно таким же образом поступили партийные органы Ленинграда, то есть обком партии. <...> Их (музыкантов. – А. С.) надо было организовать в какое-то одно объединение и желательно, чтоб это был крупный методический центр, каким был Дом народного творчества»²⁹, – объ-

²⁹ Интервью с Татьяной Павловной Ванчаковой. 20.04.2021.

ясняла логику партии Т. П. Ванчакова. Важно, что акцент сделан на контроле: ничто не могло укрыться от взора власти, а масштаб «движения» являлся критерием принятия срочных мер. Кроме прагматики контроля заметны и уступки, ведь власть приняла решение не в связи с внутренней логикой, а в связи с логикой внешней: клуб был создан как реакция на «движение», как назвал рок-музыку информант. Иными словами, отнюдь не партия в данном случае владела инициативой.

В трактовке куратора важен и акцент на молодежном протесте. Именно он, вероятно, был камнем преткновения в интерпретации ленинградской рок-музыки самим андеграундом и представителями советской власти. Как точно заметила Ю. Фюрст, «одна из основных свобод в государстве, которое всему приписывало значение, заключалась в том, чтобы не приписывать значение» [Fürst, 2021, p. 188]. Так, если музыканты играли музыку, которая пришла в СССР из стран отнюдь не социалистического блока, то для власти это символически обозначало связь с этими странами и, как результат, противопоставленность рок-любителей советскому миру, хотя сами музыканты в таких категориях не размышляли.

Директор ЛМДСТ А.А. Иванова, в свою очередь, говорила о собственной роли в возникновении ЛРК: «Это мое добровольное решение было. Рок-клуб создать – это создала я первая. Действительно, вы к первому человеку обратились, что я столько ходила, столько замечаний нам было, столько они выступали: что-то не там, ни так ни сяк – и все вызывали директора. И я решила: все, хватит мне этих вызовов, пусть они будут при Доме самодеятельности. И тогда мы создали вот сначала музыкальный клуб, нам разрешили на год. Когда мы показали, что нормально руководим, и все, и ребята перестали, ну, там, всякие проблемы, все, разрешили нам рок-клуб. <...> Так что мы сделали все, что могли, Дом творчества, остальные примазываются»³⁰. Интересно, что в этой цитате кроме разрешения есть и идея самоорганизации музыкантов до клуба, как и в рассказе Т. П. Ванчаковой. Сама А. А. Иванова говорила о том, что для организации рок-клуба она собрала музыкантов, хотя сама упоминала, что они самоорганизовались раньше со своим планом и идеей музыкального клуба.

О главенствующей роли в создании клуба Н. А. Афанасьевой, заведующей оркестровым отделом Дома творчества, к которому относился клуб первое время, рассказывал Г. Б. Зайцев: «Она сама собрала всех с предложением легализоваться на Рубинштейна. Именно она проявила

³⁰ Устное сообщение Анны Александровны Ивановой. 15.03.2022.

инициативу, а никакое ни КГБ. Уже потом я ее спрашивал, встречались в период перестройки, она сказала: “Окстись, Гена, какое КГБ? Моя личная инициатива, просто вы бегаєте, всех достали. Я уже подумала, а что такого-то? Поговорила с директором, с Ивановой. Она сказала, да, Надя, давай, звони, собирай, посмотрим”»³¹. Здесь также заметно, что инициатива Н. А. Афанасьевой – это ответ на уже существовавшее явление ленинградской рок-музыки.

То есть представители профсоюзов и Дома творчества интерпретировали новое объединение – ЛРК – как возможность контролировать «идеологически вредную» рок-музыку и не вызывать негативной реакции начальства за девиантное поведение определенной части ленинградской молодежи. Однако решение о создании рок-клуба, кем бы оно ни было принято (Ленинградским обкомом КПСС или конкретными людьми из ЛМДСТ), являлось именно ответом как на популярность рок-музыки в городе, так и на попытки самоорганизации рок-общества, предпринятые в 1970-е гг.

Иными словами, обе стороны были заинтересованы в том, чтобы рок-музыка была «вплетена» в советскую структуру управления культурой. Так, активисты из музыкальной среды изобретали варианты встраивания в советский ландшафт еще в 1970-е гг., будучи заинтересованными в том, чтобы музыканты могли легально и регулярно выступать (на разрешенной площадке, без нужды останавливать концерты из-за милиции). В свою очередь, представители власти смотрели на новое любительское объединение как на возможность курировать «опасную» рок-музыку, чтобы не получать взысканий от вышестоящего руководства за «выходки» определенной части ленинградской молодежи. Всё вышеизложенное опровергает абсолютизацию роли только одной из сторон, что часто встречается в интерпретациях открытия ЛРК. Ведь именно «послы» неофициальной музыкальной культуры братья Зайцевы подготовили почву для открытия Ленинградского рок-клуба на ул. Рубинштейна, 13 в 1981 г. Поэтому не стоит упускать из виду инициативы «снизу» и выстраивать нарратив о контролирующей всех и вся позднесоветской власти, которая не столько создавала повестку дня, сколько реагировала на происходившее в обществе.

³¹ Интервью с Г.Б. Зайцевым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Воронина Т.Ю., Соколова А. Д. Мыслить как коммунисты: протоколы сельских партсобраний «эпохи развитого социализма» // Новое литературное обозрение. 2020. № 4(164). С. 23–37.
- Рожанский Ф. Сленг хиппи. СПб.; Париж: Издательство Европейского Дома, 1992. URL: lingvotech.com/rozhansky-92 (дата обращения: 22.05.2022).
- Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. 2-е изд. СПб.: Изд-во ЕУ в Санкт-Петербурге, 2016. 508 с.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2017. 664 с.
- Fürst J. *Flowers through Concrete: Explorations in the Soviet Hippieland and Beyond*. Oxford & New York: Oxford University Press, 2021. 478 p.
- Steinholt Y. B. *Rock in the reservation: songs from the Leningrad Rock club, 1981-86*. New York: Mass media music scholars' press, 2005. 230 p.

REFERENCES

- Voronina T., Sokolova A. D. *Thinking Like Communists: The Minutes of Rural Party Organizations in the Era of Developed Socialism* // NLO. 2020. № 4 (164). P. 23–37.
- Rozhanskij F. *Hippie slang*. SPb.; Parizh: Izdatel'stvo Evropejskogo Doma, 1992. URL: lingvotech.com/rozhansky-92 (accessed 22.05.2022).
- Yurchak A. *Everything Was Forever Until It Was No More. The Last Soviet Generation*. M.: NLO, 2017. 664 p.
- Harxordin O. *To denounce and hypocrite: the genealogy of the Russian personality*. 2-ed. SPb.: Izd-vo EU v Sankt-Peterburge, 2016. 508 p.
- Fürst J. *Flowers through Concrete: Explorations in the Soviet Hippieland and Beyond*. Oxford & New York : Oxford University Press, 2021. 478 p.
- Steinholt Y. B. *Rock in the reservation: songs from the Leningrad Rock club, 1981-86*. New York : Mass media music scholars' press, 2005. 230 p.